

1122
25-4

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

Т О М Ъ ХХVIII

1887

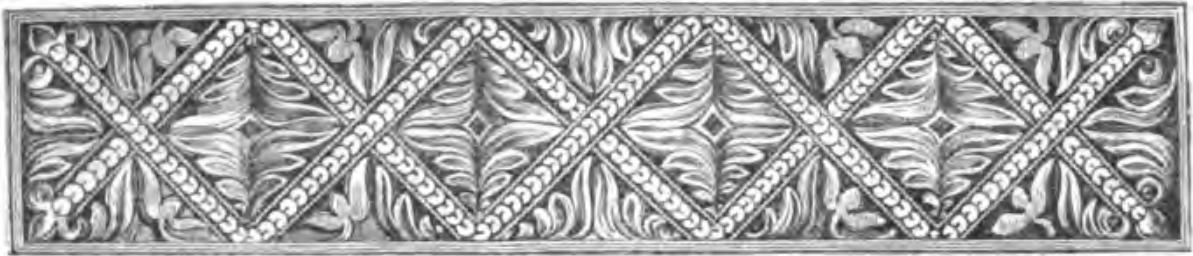

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 11—2

1887

СЛОВО ЖИВОЕ О НЕЖИВЫХ¹⁾.

XI.

Московскій митрополитъ Филаретъ.—Нравственное его вліяніе въ Москвѣ.— Мои отношенія къ Филарету.—Его характеръ.—Отношенія Филарета къ государю Николаю Павловичу и мелкія противодѣйствія.—Внѣшность Филарета и приемы его за просто.—Филаретъ съ подчиненными.—Взглядъ Филарета на раскольниковъ и на арестантовъ.—Сцена Филарета съ барынями-ханжами.—И. П. Липранди.—Его происхожденіе.—Липранди какъ начальникъ политической полиціи въ Парижѣ.—Вигель какъ клеветникъ.—Посылка Липранди въ Турцію.—Дѣятельность Липранди по службѣ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ.—Мое знакомство съ Липранди.—Дѣло Петрашевскаго.—Журналистъ-агентъ Третьяго Отдѣленія.—Кончина Липранди.

В МОСКВѢ, одною изъ наиболее выдающихся личностей, въ мое время, былъ, безъ сомнѣнія, митрополитъ Филаретъ. Онъ имѣлъ огромное нравственное вліяніе во всѣхъ слояхъ общества и въ особенности въ средѣ купеческой, гдѣ его считали чуть не святымъ. Митрополитъ Филаретъ представлялъ изъ себя, въ этой средѣ, судью непогрѣшимого и посему рѣшалъ не только семейныя дѣла московскихъ богатыхъ купцовъ, но безапелляціонно оканчивалъ тяжбы по милліоннымъ наслѣдствамъ. Судебные процессы, даже послѣ сенатскихъ опредѣленій, Филаретъ кассировалъ по своему

¹⁾ Въ настоящей книгѣ «Историческаго Вѣстника» заканчиваются «Воспоминанія» Иліи Александровича Арсеньева. Смерть лишила его возможности дописать ихъ; онъ умеръ 16 февраля, на 67 году отъ рожденія, послѣ тяжелой и продолжительной болѣзни, въ исходѣ которой не заблуждался. Еще 20 ноября прошлаго года, онъ писалъ намъ: «Спѣшу съ моими записками, такъ

личному усмотрѣнію. Для этого, онъ вызывалъ къ себѣ тяжущихся и объявлялъ имъ, что они обязаны окончить дѣло не иначе, какъ по его, митрополита, мнѣнію. Это приказаніе «владыки» безпрекословно и немедленно исполнялось.

Я видѣлся съ митрополитомъ Филаретомъ довольно часто—или въ тюремномъ комитетѣ, въ которомъ онъ занималъ мѣсто вице-президента ¹⁾, или у него на дому (въ Чудовскомъ подворьѣ), по слѣдствіямъ, возбуждаемымъ епархіальнымъ вѣдомствомъ противъ раскольниковъ-безпоповцевъ.

Не взирая на то, что я пользовался постоянно благосклонностію и особою внимательностію его высокопреосвященства, сердце мое не лежало къ Филарету, потому что въ немъ я никогда не находилъ именно сердца. На мой взглядъ, составившійся по истеченіи шестилѣтняго періода времени, при еженедѣльныхъ (а иногда и чаще) свиданіяхъ моихъ съ Филаретомъ, онъ былъ эгоистъ, честолюбецъ и властолюбецъ, и при этомъ безсердечный, сухой аскетъ, съ безпредѣльною нетерпимостію.

Я могу ошибаться, но считалъ бы безчестнымъ говорить то, чего не думалъ и не думаю, ради того только, что множество лицъ, въ особенности изъ духовнаго званія, выражали, даже печатно, другое мнѣніе о Филаретѣ.

Пользуясь пріобрѣтенной славой гениальнаго проповѣдника и архипастыря, митрополитъ Филаретъ сопротивлялся иногда волѣ

какъ чувствую, что приближаюсь къ концу», а въ послѣднемъ письмѣ, писанномъ ослабѣвшей рукой, 2 января, шутливо прибавлялъ: «Я теперь напѣваю романсъ Шуберта «Адіо», который гласитъ, что «La mort est une amie» — съ завтрашняго дня у меня поселяется сестра милосердія».

И. А. Арсеньевъ по своему происхожденію, воспитанію и образованію принадлежалъ къ лучшему обществу; это былъ человекъ очень умный, способный, и чрезвычайно добрый, не сдѣлавшій блестящей, служебной карьеры лишь вслѣдствіе случайныхъ обстоятельствъ. Въ литературѣ онъ извѣстенъ, главнымъ образомъ, какъ редакторъ политическаго отдѣла въ бывшей газетѣ министерства внутреннихъ дѣлъ «Сѣверная Почта», какъ издатель юмористическаго журнала «Занова», имѣвшаго нѣкоторый успѣхъ, и основатель «Петербургской Газеты», столь распространенной въ настоящее время. Онъ писалъ передовыя статьи, корреспонденціи и фельетоны во многихъ русскихъ и иностранныхъ газетахъ; почти никогда не подписывая своей фамиліи, и только его «Воспоминанія» начали печататься въ «Историческомъ Вѣстникѣ» съ полнымъ именемъ автора. Читатели, безъ сомнѣнія, пожалѣютъ вмѣстѣ съ нами, что эти воспоминанія прерваны, — дальнѣйшее продолженіе ихъ представляло бы еще большій интересъ, потому что И. А. Арсеньевъ много видѣлъ и испыталъ въ своей жизни, находился въ близкомъ общеніи со многими вліятельными лицами прошлаго царствованія, исполнялъ равнообразныя служебныя порученія и въ концѣ пятидесятыхъ и началѣ шестидесятыхъ годовъ имѣлъ довольно замѣтное положеніе въ литературѣ.

Ред.

¹⁾ Президентомъ всѣхъ тюремныхъ комитетовъ былъ тогда графъ (впослѣдствіи князь) Алексѣй Федоровичъ Орловъ, а вице-президентами въ Москвѣ — генералъ-губернаторъ и митрополитъ.

покойнаго государя Николая Павловича. Сопротивленія эти, два раза, онъ выразилъ въ томъ, что отказался освящать большой театр (со статуей Апполона) и церковь, устроенную при московскомъ экзерциргаузѣ (манежѣ). Не могу понять, почему въ отказѣ этомъ видѣли, со стороны Филарета, геніальность и твердую волю? Онъ просто пользовался преклонными своими лѣтами и полною увѣренностію въ безнаказанности. При освященіи обошлись естественно безъ митрополита, котораго императоръ Николай Павловичъ не долюблялъ, имѣя о немъ, какъ о человѣкѣ, самое вѣрное понятіе.

Внѣшность Филарета была невзрачна: небольшого роста, очень худощавый, съ рѣденькой бородой, съ пронзительными глазами и съ чуть слышнымъ, гнущимъ голосомъ. Когда онъ принималъ у себя за просто, костюмъ его состоялъ изъ чернаго, шерстянаго подрясника, бархатной черной скуфейки и въ опорышахъ, надѣтыхъ на босыя ноги.

Меня всегда возмущало, когда я случайно попадалъ во время приѣма Филаретомъ несчастныхъ пріѣзжихъ, подчиненныхъ ему священниковъ: они доползали до него на четверенькахъ, не могли отъ страха произнести ни одного слова при «владыкѣ», который грозно смотрѣлъ на этихъ скромныхъ, забитыхъ судьбою людей. Филареть, въ ихъ присутствіи, превращался въ Юпитера-громовержца, предъ которымъ всѣ должны были трепетать. Меня коробили эти возмутительныя сцены, и Филареть, повидимому, замѣчалъ мою нравственную пытку, но никогда не проронилъ ни единого слова по этому поводу.

Раскольниковъ, какого бы толка они ни были, Филареть не терпѣлъ, и былъ того мнѣнія, что ихъ необходимо преслѣдовать во что бы то ни стало. По моей обязанности, я долженъ былъ объяснять его высокопреосвященству о частыхъ несправедливостяхъ, допускаемыхъ при слѣдствіи противъ раскольниковъ ни въ чемъ неповинныхъ. Бывали случаи, что мнѣ доводилось указывать на явную бессмыслицу обвиненій и помощію власти генераль-губернатора прекращать слѣдствіе; но я видѣлъ, какъ это не нравилось митрополиту, хотя онъ того и не высказывалъ, продолжая обходиться со мною съ обычною благосклонностію.

Къ арестантамъ Филареть относился тоже крайне несимпатично и положительно сердился на доктора Гааза, когда тотъ, съ свойственнымъ ему благодушіемъ, настаивалъ на облегченіи участи арестанта, или на выдачѣ пособія семейству заключеннаго.

Однажды вышла, вслѣдствіе препирательствъ Гааза съ Филаретомъ, довольно знаменательная сцена. Митрополитъ, видимо недовольный настойчивостію Гааза, съ досадою сказалъ ему:

— Да что вы, Федоръ Петровичъ, ходатайствуете объ этихъ негодяяхъ? Если человѣкъ попалъ въ темницу, то проку въ немъ быть не можетъ.

— Ваше высокопреосвященство, — отвѣчалъ Гаазъ: — вы изволили забыть о Христвѣ, который тоже былъ въ темницѣ!

Всѣ мы, присутствующіе, были сильно поражены этимъ смѣлымъ отвѣтомъ Федора Петровича и ожидали чего нибудь недобраго; но Филаретъ, послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія, сказалъ:

— Не я забылъ о Христвѣ, но Христосъ забылъ меня въ эту минуту. Простите Христа-ради!

Съ этими словами Филаретъ приподнялся и закрылъ засѣданіе комитета.

Московскій митрополитъ Филаретъ, угнетая тѣхъ изъ своихъ подчиненныхъ, которые не пользовались вѣскою протекціею, сильно покровительствовалъ всегда людямъ, имѣвшимъ связи, и своимъ родственникамъ, которыхъ опредѣлялъ на доходныя мѣста.

Я не слышалъ, чтобы Филаретъ помогалъ бѣднымъ изъ своего кошелька, хотя получалъ огромные доходы и имѣлъ уже скопленный значительный капиталъ.

Съ барынями-ханжами, которыя являлись къ нему, кувыркались предъ нимъ и подставляли свои юбки подъ его ноги, когда онъ проходилъ чрезъ пріемный залъ, — Филаретъ не церемонился, часто давалъ имъ нагоняи и требовалъ отъ нихъ денежныхъ пожертвованій на украшеніе той или другой церкви.

Купцы, не взирая на все это, причисляли Филарета еще живо къ лику святыхъ.

Упомянувъ о ненависти Филарета къ раскольникамъ, перейду къ воспоминаніямъ о человѣкѣ, который, вмѣстѣ съ Николаемъ Ивановичемъ Надеждинымъ, много работалъ въ своей жизни по дѣламъ раскола и считался лучшимъ знатокомъ этихъ дѣлъ. Я говорю объ Иванѣ Петровичѣ Липранди.

Иванъ Петровичъ принадлежалъ къ категоріи тѣхъ личностей, которыя были поносимы извѣстною средою, не взирая на ихъ положительныя достоинства. Липранди умеръ лѣтъ пять-шесть тому назадъ и былъ, въ полномъ смыслѣ слова, живымъ богатымъ архивомъ.

Предки И. П. были испанскіе дворяне, и, слѣдовательно, въ жилахъ его текла кровь, жаждавшая полей брани, войны; поэтому оба брата Липранди — Иванъ Петровичъ и Павелъ Петровичъ (бывшій корпусный командиръ) — поступили въ военную службу.

Въ Отечественную войну 1812 года, Иванъ Петровичъ Липранди былъ уже полковникомъ генеральнаго штаба и въ битвѣ подъ Смоленскомъ получилъ тяжкую контузію въ колѣно, отъ которой страдалъ періодически втеченіе всей своей жизни; страшныя боли доводили его до обморока.

Энциклопедически образованный, замѣчательный лингвистъ, обладавшій рѣдкою способностію быстро понимать и соображать, въ

извѣстный моментъ, силу обстоятельствъ и ихъ послѣдствія, И. П. Липранди не могъ не обратить на себя вниманія тѣхъ сподвижниковъ императора Александра Павловича, которые играли первенствующую роль въ знаменитую эпоху Отечественной войны. По указанію фельдмаршала, министра иностранныхъ дѣлъ и одного коронованнаго лица, когда войска наши вошли въ Парижъ, Иванъ Петровичъ былъ назначенъ начальникомъ русской военной и политической полиціи во Франціи. Блестяще исполнивъ это порученіе, Липранди, по окончаніи войны, вышелъ въ отставку и занялся спеціально, на мѣстѣ, изученіемъ восточнаго вопроса. Онъ собралъ по этому предмету рѣдкую, обширную бібліотеку, которая была имъ продана, въ старости лѣтъ, изъ крайней нужды, публичной бібліотекѣ. По восточному вопросу, Липранди написалъ и напечаталъ множество монографій, помѣщенныхъ въ разныхъ историческихъ сборникахъ.

Въ запискахъ своихъ, Ф. Ф. Вигель, извѣстный грязный клеветникъ, плутъ, шпіонъ и смѣлый взяточникъ, вадумалъ огрызнуть Липранди за дѣятельность его во Франціи, но это ему не удалось, потому что Иванъ Петровичъ, просто и ясно, на основаніи фактовъ документальныхъ, печатно доказалъ, что Вигель вралъ и что бѣлаго, при самой наглой лжи, нельзя превратить въ черное.

Передъ турецкой кампаніей 1828 года, Липранди былъ посланъ, по высочайшему повелѣнію, на мѣсто предстоящихъ военныхъ дѣйствій и подготовилъ всѣ необходимыя свѣдѣнія и матеріалы, какъ въ военномъ, такъ въ политическомъ и этнографическомъ отношеніяхъ.

При вступленіи своемъ въ управленіе министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, Левъ Алексѣевичъ Перовскій, зная давно Липранди, и цѣня его какъ честнаго, энергическаго и замѣчательно даровитаго человѣка, просилъ Ивана Петровича принять мѣсто чиновника особыхъ порученій при немъ. Долго колебался Липранди, но, наконецъ, согласился на настойчивыя предложенія Перовскаго, который сталъ поручать Ивану Петровичу особенно важныя слѣдствія, въ особенности же дѣла, имѣвшія политическую подкладку.

Я познакомился съ Иваномъ Петровичемъ въ Москвѣ, когда онъ былъ туда посланъ Перовскимъ предсѣдателемъ разныхъ комиссій и, между прочимъ, комиссіи по дѣламъ раскольниковъ. Злая молва о Липранди предупредила пріѣздъ его въ Москву, и я, сознаюсь, былъ тоже въ числѣ тѣхъ, которые считали его взяточникомъ, на основаніи словъ Вигеля.

По предписанію генераль-губернатора, я былъ назначенъ членомъ комиссіи для изслѣдованія скопческой секты... Мнѣ было извѣстно изъ достовѣрныхъ источниковъ, что отъ скопцовъ и безповцевъ Липранди могъ получить сотни тысячъ, но онъ не принялъ ихъ (хотя и не хвастался, какъ другіе, своимъ безкорыстіемъ),

что мнѣ дало полное право считать его человѣкомъ, заслуживающимъ глубокаго уваженія.

Липранди первый предлагалъ правительству уничтожить преслѣдованіе безвредныхъ раскольническихъ сектъ, и въ докладныхъ запискахъ своихъ Перовскому утверждалъ, что преслѣдованія влекутъ за собою не уничтоженіе ереси, а исключительно развитіе взяточничества и обогащеніе слѣдователей изъ сундука раскольниковъ.

Противъ Липранди особенное негодованіе возбудило, среди тогдашнихъ псевдо-либераловъ, извѣстное дѣло Петрашевскаго и К°. Не взирая на неоднократно выраженное Иваномъ Петровичемъ нежеланіе производить слѣдствіе по этому дѣлу, Перовскій заставилъ его принять на себя это порученіе, которое, по просьбѣ Липранди (какъ я лично слышалъ отъ друга Перовскаго, Михаила Николаевича Муравьева), окончилось для преступниковъ не смертною казнію, какъ постановилъ законъ, а каторжными работами.

Иванъ Петровичъ, за годъ до своей смерти, рассказывалъ мнѣ, между прочимъ, одинъ изъ эпизодовъ этого слѣдствія. Когда дѣло дошло до арестованія виновныхъ, Липранди, по требованію Перовскаго, представилъ списокъ лицъ, подлежащихъ аресту. Въ списокѣ оказалась фамилія одного журналиста, который присутствовалъ на сборищахъ участниковъ дѣла и былъ даже назначенъ ими, въ случаѣ государственнаго переворота, на должность министра народнаго просвѣщенія. Перовскій, пробѣжавъ списокъ, утвердилъ его, поставивъ крестъ на имени журналиста и сказавъ Липранди, чтобы онъ переговорилъ объ этой личности съ начальникомъ штаба шефа-жандармовъ, генераломъ Дуббельтомъ. Это крайне удивило Ивана Петровича, который тотчасъ же отправился за разъясненіемъ загадки къ Дуббельту.

— Вы чудакъ, Иванъ Петровичъ! Какъ же, производя слѣдствіе, будучи человѣкомъ умнымъ, вы не догадались, что онъ мой агентъ?—отчеканилъ Дуббельтъ.

Липранди умеръ нищимъ, не взирая на то, что могъ очень легко быть милліонеромъ, но никогда не сѣтовалъ на судьбу свою.

XII.

Преображенскій богадѣлennyй домъ. — Казначей богадѣльни Семенъ Кузьмичъ. — Конторщикъ Андрей Ларионовъ Шутовъ, вполсѣдствіи вселенскій митрополитъ. — Обыскъ, одѣланный въ богадѣльнѣ московскимъ генераль-губернаторомъ графомъ С. Г. Строгановымъ. — Учрежденіе безпоповцами холерной больницы. — Братья Гучковы. — Вліяніе на безпоповцевъ митрополита Филарета. — Характеристика безпоповцевъ. — Илья Ковылинъ.

Въ 1844 году, я получилъ предписаніе отъ московскаго военнаго генераль-губернатора, при которомъ состоялъ чиновникомъ особыхъ порученій, принять въ завѣдованіе мое Преображенскій богадѣлennyй домъ.

Въ сущности, богадѣльня эта была не чѣмъ инымъ, какъ монастыремъ безпоповцевъ, съ нѣсколькими моленными, въ размѣрѣ обыкновенныхъ нашихъ приходскихъ православныхъ церквей.

Богадѣльня, или, точнѣе, монастырь, состояла изъ двухъ частей, раздѣленныхъ между собою каменною оградю. Одна часть монастыря прирѣввала мужчинъ, а другая женщинъ. Всѣхъ прирѣваемыхъ въ монастырѣ было до 2,000 человекъ.

Кромѣ ограды, отдѣлявшей мужской монастырь отъ женскаго, каждый изъ нихъ былъ обнесенъ особыми оградами, у воротъ которыхъ, денно и ночно, находились сторожа.

Преображенская богадѣльня имѣла свой весьма значительный скотный дворъ, свой огородъ, отлично содержимый, свои больницы, свои пекарни и кухни.

Нѣсколько разъ въ годъ, цѣлые обозы тянулись вереницею къ богадѣльнѣ, съ дровами, мукой, крупой, сѣномъ, соломой и разною одеждою для прирѣваемыхъ; а наканунѣ Успенія Пресвятой Богородицы, 14-го августа, нѣсколько возовъ присылалось благотворителями, съ разнаго рода фруктами, не исключая ананасовъ, изъ оранжерей братьевъ Гучковыхъ (отецъ которыхъ былъ однимъ изъ попечителей богадѣльни).

При богадѣльнѣ состояло нѣсколько попечителей изъ богатыхъ купцовъ-безпоповцевъ, которые завѣдовали хозяйственною частію монастырей.

Главнымъ распорядителемъ и безотчетнымъ казначеемъ богадѣльни былъ нѣкто Семенъ Кузьмичъ, онъ же и старшій отецъ исповѣдникъ, хранившій въ своемъ сундукѣ сотни тысячъ монастырскихъ капиталовъ.

Семенъ Кузьмичъ, 70-ти лѣтній старикъ, принадлежалъ къ числу закаленныхъ старообрядцевъ-безпоповцевъ: человекъ съ желѣзнымъ характеромъ, съ замѣчательно твердой волей, съ нравственно-религіознымъ долготерпѣніемъ и мужествомъ, — онъ, если можно такъ выразиться, магнетически дѣйствовалъ на свою многочислен-

ную паству. С. К. ничему не удивлялся, ничего не боялся, безропотно покорялся (естественно наружно) всѣмъ невгодамъ административныхъ распоряженій, но былъ твердъ и непреклоненъ въ своихъ вѣрованіяхъ и упованіяхъ ¹⁾).

При богадѣльнѣ была контора, которою завѣдовалъ конторщикъ (мѣщанинъ) Андрей Ларіоновъ Шутовъ.

Шутовъ, не взирая на свое скромное положеніе конторщика, являвшася ко мнѣ чуть не ежедневно съ паспортами поступающихъ въ богадѣльню, выбывающихъ изъ нея (послѣднее случалось очень рѣдко) и умершихъ, имѣлъ огромное вліяніе въ раскольничьей средѣ безпоповцевъ. Нынѣ онъ носитъ званіе «вселенскаго митрополита» (если не ошибаюсь, подъ именемъ Антонія) и приобрѣлъ себѣ далеко не малую извѣстность, какъ одинъ изъ самыхъ крупныхъ и энергическихъ поборниковъ раскола.

Когда начались при графѣ Закревскомъ разнаго рода придирки къ безпоповцамъ, Андрей Ларіоновъ бѣжалъ въ Австрію, гдѣ и былъ посвященъ въ архіереи. Случилось, однако же, такъ, что для заграничныхъ старообрядческихъ церквей понадобилась утварь, и Андрей Ларіоновъ самъ пожелалъ купить всѣ требуемыя вещи въ Москвѣ. Съ этою цѣлію онъ явился въ первопрестольную (разумеется, безъ паспорта), и тутъ его арестовали; но (какъ передавалъ мнѣ Гучковъ, бывшій московскій городской голова) откупился 50-ю тысячами и благополучно возвратился, съ купленною имъ утварью, въ Австрію ²⁾).

Въ 1881 году, какъ мнѣ достовѣрно извѣстно, А. Л. Шутовъ проживалъ уже безбоязненно въ Москвѣ и свободно завѣдовалъ своею «всероссійскою» паствою, но, какъ мнѣ передавали, измѣнивъ свой образъ религіозныхъ вѣрованій, которыя сходились богѣе съ рогожскимъ толкомъ, допускающимъ у себя священниковъ.

Близъ Преображенской богадѣльни находился довольно большой Хапиловскій прудъ, въ которомъ безпоповцы крестили младенцевъ своей секты, а за прудомъ было довольно обширное кладбище съ отдѣльной часовней.

Въ то время, когда я принялъ въ завѣдованіе мое Преображенскую богадѣльню, не только новыхъ построекъ, но даже мажѣйшаго ремонта (хотя бы окраски крышъ) дѣлать было строго воспрещено, но генераль-губернаторъ разрѣшалъ, въ случаѣ не-

¹⁾ Онъ былъ сосланъ въ Кострому при графѣ Закревскомъ, такъ какъ отказался сдѣлать какое-то требуемое денежное пожертвованіе изъ монастырской казны.

²⁾ Фактъ о выкупѣ подтвердилъ мнѣ въ Вѣнѣ, нашъ почтенный покойный протоіерей посольской церкви Раевскій, знавшій лично, какъ онъ говорилъ мнѣ, А. Л. Шутова.

обходимости, разныя поправки, находя вообще воспрещенія въ этомъ отношеніи не имѣющими здраваго смысла.

Той же системы придерживался и графъ Сергій Григорьевичъ Строгановъ, который былъ назначенъ, по высочайшему повелѣнію, попечителемъ Преображенскаго богадѣленнаго дома.

При графѣ Строгановѣ случился слѣдующій замѣчательный казусъ, который заставилъ его отказаться отъ попечительства надъ Преображенской богадѣльней. Онъ неожиданно получилъ отъ министра внутреннихъ дѣлъ, Перовскаго, секретное письмо, въ которомъ тотъ просилъ его лично отыскать въ помѣщеніяхъ богадѣльни украденный изъ какой-то православной церкви образъ, который, будто бы, долженъ непремѣнно находиться въ кельѣ настоятеля безпоповцевъ, Семена Кузьмича.

Графъ Строгановъ тотчасъ вызвалъ меня къ себѣ, прочелъ мнѣ письмо Перовскаго и пригласилъ ѣхать съ нимъ въ богадѣльню.

Во все время нашей поѣздки, довольно продолжительной, графъ Сергій Григорьевичъ не проронилъ ни слова.

По приѣздѣ въ богадѣльню, графъ приказалъ привести трехъ рабочихъ съ ломами и топорами, дабы, въ случаѣ нужды, поднять полъ въ кельѣ Семена Кузьмича. По тщательномъ осмотрѣ всѣхъ угловъ кельи и по открытіи сундука Семена Кузьмича, въ которомъ хранились капиталы богадѣльни, мы положительно ничего не отыскали и за симъ велѣли подымать половики. Пыль и затхлый запахъ оказались единственнымъ результатомъ нашего обыска, во время котораго нужно было удивляться невозмутимому спокойствію хозяина кельи, въ которому графъ Сергій Григорьевичъ, по окончаніи всей этой процедуры, обратился съ слѣдующими словами: «Извините, почтеннѣйшій, что васъ обезпокоили, но дѣло хотя и очень пыльное, но служебное».

По возвращеніи домой, графъ Строгановъ продиктовалъ мнѣ отвѣтное письмо къ Перовскому, въ которомъ «удивлялся неосновательности распоряженій министра внутреннихъ дѣлъ и съ этимъ вмѣстѣ сообщилъ ему, что исполненіе подобныхъ порученій не соотвѣтствуетъ званію генераль-адъютанта, а потому онъ и слагаетъ съ себя обязанность попечителя Преображенскаго богадѣленнаго дома».

Послѣ графа Строганова былъ назначенъ попечителемъ Преображенской богадѣльни, начальникъ 2-го округа корпуса жандармовъ, генераль-лейтенантъ Степанъ Васильевичъ Перфильевъ, человѣкъ чрезвычайно мягкаго характера, неимоверно добрый и честный, который придерживался системы своихъ предшественниковъ, не обращая никакого вниманія на пустыя мелочи, которыми впослѣдствіи съ особенною любовью и постоянствомъ занимался графъ Закревскій, ради своихъ личныхъ хозяйственныхъ цѣлей.

При московскомъ военномъ генераль-губернаторѣ князѣ А. Г. Щербатовѣ и при графѣ С. Г. Строгановѣ, преображенскіе безпоповцы съ особеннымъ усердіемъ и готовностію жертвовали довольно значительныя деньги на вновь учрежденныя и существовавшія благотворительныя общества, но при Закревскомъ они прекратили свои пожертвованія, такъ какъ отъ нихъ вымогались деньги иными путями, негласно и безслѣдно.

Въ 1847 году, по случаю появленія въ Москвѣ холеры, безпоповцы учредили на свой счетъ больницу, специально для заболѣвающихъ холерою, не только для принадлежащихъ къ ихъ толку, но и для православныхъ, не исключая нижнихъ воинскихъ чиновъ. Больница эта содержалась не только хорошо, но даже роскошно. Въ нее, отъ правительства, были назначены фельдшера, студенты медицинскаго факультета послѣдняго курса и медики.

Раскольники, естественно, не принимали никакихъ лѣкарствъ, приготовленныхъ въ аптекѣ, и пользовались исключительно молокомъ¹⁾, которое пили чуть не ведрами, и паровыми ваннами. Нужно при этомъ замѣтить, что смертность между раскольниками, пользовавшимися въ холерной больницѣ, была почти ничтожна въ сравненіи съ больными, пользовавшимися аптекарскою кухнею.

Въ 1848 году, по прежнему примѣру, уже при Закревскомъ, безпоповцы вновь открыли холерную больницу и она была закрыта лишь по совершенномъ прекращеніи эпидеміи.

Я переѣхалъ, въ концѣ 1848 года, изъ Москвы на постоянное жителство въ Петербургъ, по закрытіи яузской и преображенской холерныхъ больницъ, которыми завѣдовалъ въ качествѣ помощника попечителей: яузской—сенатора Чертова и преображенской—генерала Перфильева.

Одни изъ главныхъ сектантовъ преображенскаго толка, братья Гучковы, въ 1851—1852 году перешли въ православіе, и главныя молельни богадѣленнаго дома были превращены въ православныя церкви, а старшій изъ братьевъ, Ефимъ Гучковъ, былъ даже впоследствии московскимъ городскимъ головою.

Для меня всегда казалось страннымъ читать, появлявшіяся иногда въ разныхъ газетахъ, статьи, въ которыхъ утверждалось, что раскольники преображенскаго толка не молятся за царя, когда я, неоднократно присутствуя при ихъ богослуженіи, постоянно слышалъ молитвы за царя и подлежащія власти.

Если главные изъ безпоповцевъ перешли въ православіе, то этимъ всецѣло мы обязаны московскому митрополиту Филарету, который силою своего ума и нравственнымъ вліяніемъ съумѣлъ

¹⁾ Не помню въ которомъ году, я печатно заявлялъ объ этомъ лѣченіи, но не знаю, обратили ли вниманіе на это указаніе лица компетентныя.

уничтожить косность религиозныхъ возврѣній раскольниковъ, явившихся къ нему охотно на келейныя бесѣды.

Обращаясь за симъ къ Преображенской богадѣльнѣ (какъ она была въ мое время), я долженъ указать на женскую половину, или женскій монастырь, въ которомъ, кромѣ призрѣваемыхъ старухъ, находились еще приходящія приписныя псаломщицы изъ окрестностей богадѣльни и изъ пригороднаго села Черкизова. Большая часть псаломщицъ отличались молодостью и красотой. Это былъ собственно разсадникъ для удовлетворенія грѣховныхъ увлеченій старыхъ и молодыхъ безпоповцевъ. Въ моленныхъ, во время службы, обзрѣвались псаломщицы, а за симъ поступали въ фаворитки, не оставляя, однако же, своихъ обязанностей псаломщицъ.

Зная хорошо безпоповцевъ, могу сказать утвердительно, что всѣ они, съ рѣдкими исключеніями, отличаются замѣчательною честностью, трезвостью и трудолюбіемъ. Въ какой мѣрѣ похвальныя качества эти сохранились у безпоповцевъ въ настоящее время, — мнѣ неизвѣстно; но втеченіе болѣе пяти лѣтъ, что я завѣдовалъ Преображенскою богадѣльней и имѣлъ съ ними сношенія чуть не ежедневно, мнѣ никогда не случалось наталкиваться на какой либо съ ихъ стороны поступокъ дурнаго свойства.

Что выдѣлывали втеченіе десятковъ лѣтъ разные чиновники, производившіе о нихъ слѣдствіе (по доносамъ, часто анонимнымъ), почти немислимо. Я знаю, что одинъ изъ такихъ чиновниковъ (притомъ литераторъ), при опечатаніи образовъ, бралъ съ раскольниковъ слѣдующія взятки: чтобы не приложить печати къ лику святаго — 1,000 руб., къ ручкѣ — 500, а чтобы приложить печать къ задней сторонѣ образа — 2,000 руб. Таковы были въ старыя добрыя времена слѣдователи по раскольниковымъ дѣламъ!!...

Въ заключеніе скажу, что основатель московской Преображенской богадѣльни, Илья Ковылинъ, имѣлъ личную бесѣду съ Наполеономъ I, въ 1812 году, въ Москвѣ, и когда Наполеонъ предложилъ ему полную свободу богослуженія для безпоповцевъ съ тѣмъ, чтобы они присягнули ему въ вѣрнопопданствѣ, Ковылинъ отвѣчалъ: «Это дѣло не нашего ума — мы молимся только Господу Богу».